

Р
Е
Д
О
Р
Т
А
Ж

ЭФФЕКТА БАБОЧКИ
НЕ БУДЕТ
МИНУС ДЕВЯТЬ ПАРК
В ОЖИДАНИИ РАССВЕТА

З
И
М
А
СМС
ФОРМУЛА

ЗАПИСКА
СУИЦИДНИКА
КИНОТЕАТР
ВСТРЕЧА С ДРУГОМ
НОВЫЙ
ЭКСПЕРИМЕНТ
ВСЁ ХОРОШО
ВТОРОЙ ШАНС
ИНОРОДНОЕ ТЕЛО
ОЛИМП
ВОЗВРАЩЕНИЕ
АБСТРАКЦИЯ

ИНОРОДНОЕ ТЕЛО

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ПАВЕЛ ХОХЛОВ

16+

Павел Хохлов

**Иностранное тело.
Сборник рассказов**

«Автор»

2019

Хохлов П.

Инородное тело. Сборник рассказов / П. Хохлов — «Автор»,
2019

ISBN 978-5-532-96512-6

Разноплановые персонажи, от настоящих героев до простых людей, и каждый из них сталкивается с препятствиями разного характера: от бытовых трудностей до глобальных катастроф.

ISBN 978-5-532-96512-6

© Хохлов П., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Парк	5
В ожидании рассвета	7
Всё хорошо	14
Иностранное тело	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Павел Хохлов

Иностранное тело. Сборник рассказов

Парк

Проснувшись, я не чувствовал себя отдохнувшим, хотя за окном был уже полдень. Причиной своей сонливости посчитал дождь, барабанивший по стеклу моего большого окна. За стекающими струями воды виднелись размытые силуэты домов. В окне напротив кто-то включил свет и быстро его погасил, отчего возникло ощущение, что соседний дом подмигнул мне своим желтым глазом в этот серый, неприветливый день.

Выпитый стакан яркого апельсинового сока не предал настроению радужных красок. Из открытой форточки сквозняк приносил холодные капли и запах свежести. Но почему-то, именно сейчас, несмотря на непогоду, мне захотелось пройтись по соседнему, заброшенному парку, по которому гулял еще ребенком. Я выросл, парк старел, пока не оказался совершенно заброшенным. В период своего взросления я перестал посещать его, потеряв к нему всякий интерес. Надев плащ, я быстро вышел на улицу.

Тихий городок в этот ненастный день казался вымершим. У магазина с нехитрой вывеской «24» не наблюдалось обычной суеты. Мне даже показалось, что магазин вовсе закрыт, хотя закрытым я никогда его не видел.

На воротах парка было написано «Доб о пожа ова ь», но я не ощутил доброжелательности в этих ржавых, с потерянными буквами словах. Толкнул рукой калитку – ржавые петли предостерегающе закрипели. Этот звук в серой дождливой тишине показался странным и предательским. Мне казалось, что я тайком проникаю в чужой дом, отчего почувствовал себя неловко, но все же сделал шаг вперед и побрел по заросшей дорожке.

Дождь прекратился. Но мокрые деревья продолжали сбрасывать со своих пожелтевших листьев накопившуюся влагу. Несколько крупных капель упали за воротник, заставив зябко передернуть плечами.

Я брел по парку, как мне казалось, совершенно бесцельно. Но глаза, слегка затуманенные воспоминаниями далекого прошлого, искали среди осенней листвы старый фонтан, возле которого я любил играть, когда был маленьким ребенком. Тогда это был не просто фонтан – это было что-то волнующее детскую душу. Я любил стоять на влажном парапете и, вытянув руку дотрагиваться до радуги, игравшей в тонких длинных струях воды, вылетающих со «спины» гранитного кита и приземлявшихся ровным кругом у самого парапета. Рядом всегда стояла мать и поддерживала меня за пояс, чтобы я не оказался в фонтане. Отец тем временем покупал мне сладкую вату, маме лимонад, а себе какой-то пенный напиток.

Яркое солнце веселыми бликами играло в колышущейся воде. Вокруг фонтана бегали стайки малышей. Кто-то тоже, вот так, стоял на парапете дотрагиваясь до радуги. Кому-то это делать не разрешали. Я считал, что этим детям совсем не повезло в жизни...

От нахлынувших воспоминаний меня отвлек какой-то звук. Мне сразу стало как-то не по себе. Остановившись, я увидел справа от себя качели. Тихо скрипя они плавно покачивались на цепях в этот дождливый, безветренный день. Я простоял неопределенно долго, глядя как загнипнотизированный на все уменьшающуюся амплитуду их движения.

От качелей меня отвлек не менее странный звук, напоминающий плеск воды, отчего показалось, что это заработал тот самый фонтан. Я сразу вспомнил, в какой части парка он находился и быстрым шагом направился туда.

Сквозь деревья, ставшие по-осеннему прозрачными, я разглядел парапет старого фонтана, который частично разрушился и покрылся плесенью. Прячась в траве, уверенно проби-

вавшейся сквозь трещины в тротуарной плитке, повсюду валялись осколки старой облицовки. Внутри самого фонтана, в самом его центре, по-прежнему лежал кит. Он не плавал в воде как много лет назад, а медленно разлагался, как будто выброшенный на пустынный берег, среди нападшей листвы и маленьких лужиц, оставшихся после дождя.

Эту мрачную картину я наблюдал лишь мгновение. Перед моими глазами вновь работал фонтан. Вокруг него ходили люди, одетые по-летнему в легкие одежды, в струях воды расцветала радуга, бликами играло солнце, раздавался смех играющей в догонялки детворы, откуда-то доносилась легкая музыка. Кто-то случайно выпустил из рук разноцветные шары, сразу устремившиеся в ярко-синее безоблачное небо.

На парапете стоял маленький мальчик, которого за штанишки держала мать, пока он пытался дотянуться до радуги. Я сразу узнал мальчишку, так как с самого начала невольно искал его глазами среди играющей детворы. Почему-то меня не удивляло и не пугало то, что я сейчас наблюдал в заброшенном осеннем парке. Я просто смотрел на происходящее, стараясь не пропустить ничего из того, что мне посчастливилось увидеть. Мне было все равно, мираж ли это, галлюцинация или еще какая-то аномалия. Я как будто просматривал любительский фильм из частного архива. Только это кино о прошлом, моем прошлом, было четким, объемным, в хорошем качестве, несмотря на всю его давность. Я даже чувствовал тепло летнего дня и аромат ванили, доносившейся от облепленного детьми киоска с мороженым.

Мальчик на парапете неожиданно отвлекся от своего занятия и повернувшись, заглянул мне прямо в глаза. Не отрываясь, он продолжал смотреть на меня с серьезным лицом, немного насупившись. Мать, заметив настороженный взгляд ребенка, повернулась, желая узнать, что его могло так заинтересовать. Я дернулся было вперед к матери, но вовремя сообразил, что я для нее не видим. Было радостно вновь увидеть ее такой молодой и живой.

Воспоминание из далекого прошлого неожиданно и оглушительно взорвалось в моей голове. Я вспомнил все настолько четко и ясно, что теперь все видел глазами мальчика. Вспомнил, как много лет назад, в яркий, солнечный летний день, когда я гулял с родителями по парку, увидел странного человека, одетого в длинный плащ. Человек был бледен, в его широко раскрытых глазах застыло что-то между тоской и радостью, рот был приоткрыт, словно он хотел сказать что-то очень важное. За его спиной, как мне тогда показалось, были деревья, но почему-то мокрые, с желтой опадающей листвой, как осенью. Потом подошел папа и меня больше ничто не занимало кроме сладкой ваты.

Я простоял еще с минуту наблюдая, как подошел отец и принес сахарную вату, мальчик сразу отвлекся, приступив к поеданию лакомства. Вновь ощутив этот вкус, словно не было этих десятилетий, стоявших между мной и мальчиком на парапете, продолжал наблюдать за счастливой семьей, частью которой когда-то был.

И вновь начался дождь, стуча по моему плащу и опавшим листьям. Усиливаясь, он стал медленно размывать яркую картинку детства, постепенно обнажая старые руины, словно смывая краску. Я жадно вглядывался сквозь холодные капли, стараясь насладиться воспоминаниями того счастливого дня. Я еще вижу, как отец снимает меня с парапета, а мать привычным движением поправляет штанишки. Они медленно уходят вглубь парка, уже почти невидимые. Я стоял, глядя на них до последнего, пока дождь окончательно не смыл забытые воспоминания.

Вернувшись домой промокшим до нитки, уставший, но счастливый, я посмотрел на графин с ярким соком, которым тщетно пытался раскрасить этот серый день. Наполнив стакан, я невольно улыбнулся.

В ожидании рассвета

Полупустой автобус ехал очень быстро, мало обращая внимания на попадающиеся кочки. Салон швыряло из стороны в сторону так, что немногочисленные пассажиры были вынуждены держаться за поручни. Дорогу, ведущую в вымирающее поселение одного из южных регионов страны последний раз ремонтировали лет пять назад, когда еще работали угольные шахты. Трасса была как всегда безлюдна в этом глухом, затерянном краю. На это никто не обращал внимания, давно привыкнув к пейзажу пустой дороги. Серые тучи периодически роняли на землю редкие капли дождя, заставляя дворники лениво очищать лобовое стекло размазывая по нему пыль, что хоть как-то заставляло автобус реагировать на внешние раздражители. Но это длилось недолго, уже вскоре вновь выглянуло солнце, наполнив воздух духотой. Не прошло и четверти часа, как поднялся ветер, неся из степи ее жаркое дыхание и высушивая едва намокшую дорогу.

На этом участке дядя Женя знал каждую кочку. Минут через пять на обочине дороги должен показаться обгоревший остов лежащего на крыше старого уазика. Это случилось года четыре назад, когда местный житель возвращался домой из районного центра. Управляемая им машина вылетела в кювет, где опрокинулась несколько раз и, ударившись об столб загорелась. Водителя так никто и не нашел, и он до сих пор считался пропавшим без вести. После этого в поселке пропало еще два человека, которых ищут по сей день. Было высказано много версий случившегося, но истинную причину знали только местные жители, дружно умалчивая о ней.

Дядя Женя вздрогнул, когда недалеко впереди увидел зловещие останки уазика. Что сегодня за день?! Тысячи раз проезжать по этому месту, а сегодня испугаться груды металлолома! Это старость не за горами, дружище Женька, пробормотал он сам себе, когда вдруг чихнул движок, закашлялся и окончательно затих, он решил, что это знак и действительно пора на пенсию. Водитель позволил заглухшему микроавтобусу проехать по инерции еще пару метров, слушая, как под колесами шуршат камушки грунтовок и ропщут пассажиры. Когда они остановились, наступила тишина, нарушаемая завываниями горячего ветра и постукиванием песка по корпусу автобуса. Впереди быстро перебежал дорогу сухой куст перекасти-поля. Дядя Женя машинально провожал его взглядом, пока тот не ударился в сгоревшую, уже изрядно запыленную машину. Он вздрогнул второй раз увидев, насколько близко они остановились от нее.

Несколько безуспешных попыток завести автобус вынудили водителя обратиться к пассажирам. Он выбрался из своего сидения и встав между рядами пассажирских кресел, произнес: – Приношу извинения за причиненные неудобства, сейчас отремонтирую и поедем дальше.

Он вышел на улицу, открыл раскаленный на солнце капот и, внимательно осмотрев его содержимое, приступил к доскональному осмотру. Из автобуса вышло трое мужчин, двое из них закурили дешевые сигареты, экономно воспользовавшись одной спичкой. Мужчины сразу предложили свою помощь в ремонте автобуса. Они были местными и им хотелось как можно быстрее вернуться домой, ну или хотя бы убраться с этого нехорошего участка дороги. В автобусе остались две женщины. Рядом с одной из них скучал утомленный дорогой мальчик лет шести. Он мусолил во рту бутылку с каким-то напитком, безразлично разглядывая открывающийся за окном унылый пейзаж.

Дядя Женя продолжал возиться в недрах капота, когда к нему подошел один из мужчин, коптя сигаретой.

– Дядь Жень, – обратился он, прищуривая глаза, вокруг которых залегли глубокие морщины. – Ты возишь нас по этой трассе кучу лет и не раза не ломался. А сегодня тебя угораздило, да еще и в таком месте! Я не хочу тебя торопить, но дело к вечеру...

– Скажи мне, Серега, – спросил водитель, не отрываясь от дела, понимая, что именно беспокоит его пассажиров. – Почему бы вам не сдать эту сгоревшую рухлядь на металлолом и дружно не пропить вырученные деньги? Нет машины – нету слухов!

Сергей посмотрел на пожилого водителя так, словно тот богохульствовал, и поспешил ему возразить.

– Да все ее боятся! Так боятся, что рассказывают целые легенды и страшные истории, которым я между прочим верю. Вот почему она еще здесь? Почему за четыре года ни один алкаш не сдал ее на металлолом, как ты говоришь, хотя бы потому, что нам, в нашем поселении уже и пропивать нечего? Потому что это не местные страшилки, а чистая правда!

– Не подскажите, долго еще ремонтироваться? – спросила женщина, высунув голову из открытой двери автобуса.

Сергей глянул в сторону закопавшегося в капоте водителя и, махнув в его сторону, пожал плечами.

– Все зависит от дядь Жени. Надеюсь, он отремонтирует до того, как стемнеет.

Сотовая связь в этих глухих местах не работала. Оставалось надеяться только на то, что волнующиеся родственники позвонят в ближайший городок, откуда выехал автобус, и сообщат, что он так и не доехал до Шахт.

Ночь сгустилась быстро, окутав всю трассу непроглядной тьмой. Признав свою беспомощность в серьезной поломке автобуса, дядя Женя дремал, откинув свое водительское кресло назад, положив для надежности рядом с собой монтировку. Его это успокаивало, ведь он единственный, кому пришлось ночевать лицом к лобовому окну, за которым стояла непроглядная дорожная темень, скрывающая легендарный уазик. Он мог лечь спать и в салоне, развалившись на задних сидениях, но чувство долга и сознание того, что он человек, отвечающий за всех, заставило подать пример бесстрашия перед суеверным салоном. Им оставалось только ждать, когда из города пригонят другой автобус, дежуривший в ночную смену в депо. Ждать и надеяться, что он приедет раньше тех, кто бродит в этих глухих местах по ночам.

Дежурный автобус приехал только ближе к полуночи, чтобы забрать пассажиров. Но сломавшийся автобус оказался пустым. Он одиноко стоял на ночной трассе с открытыми дверями и валявшейся рядом монтировкой. Водитель решил, что все разъехались на попутках и закинув монтировку обратно в автобус дяди Жени, поспешил вернуться в райцентр.

Антон сидел за рабочим компьютером в офисе, набирая текст по своим черновикам, когда к нему подошел шеф.

– Антоха, хватит протирать штаны! Для тебя работа!

– С командировкой?

– Да, все как ты любишь.

– Здорово! За границу? На самолете?

– Нет, не за границу. На электричке за день до райцентра местного доедешь. Дальше будет один вымирающий поселок под названием Шахты. – Шеф присел увесистой половинкой на край соседнего стола. – Только от шахт там осталось одно название да заброшенные штольни и проржавевшее оборудование. Закрыли их лет пять назад. Вроде как предприятие обанкротилось, а продать никому не смогли. Но по слухам там другая причина.

– Какая?

– Вроде там наткнулись на какое-то захоронение...

– Не смешите меня! – Антон смело перебил своего патрона, высказав свою точку зрения. – Когда это закрывали предприятия по таким пустякам?

– И после этого на шахте начались несчастные случаи, – терпеливо продолжил шеф.

– Ну разумеется! – Антон поднялся со стула с хрустом выгнув спину. – Когда предприятие по каким-либо причинам несет убытки, оно начинает экономить на безопасности. Вот вам и причина.

– Это я и без тебя знаю. Дело в том, что после закрытия в этом поселке стали пропадать люди. Именно те, кто не успел до захода солнца закрыться в доме. – Шеф пропустил мимо ушей скептическую ухмылку сотрудника, продолжив знакомить его с материалами задания. – Вроде как по ночам из шахты выходят потревоженные духи и хватают всех на своем пути. Но вот в дома проникнуть не могут. Поэтому весь поселок ночью буквально вымирает, отсиживаясь по норам.

– Если честно, я даже заинтригован. – Антон снова уселся в свое рабочее кресло. – Что от меня требуется? Развезать эти страшилки или наоборот, написать жуткую статью с подробностями, как любят наши читатели?

– Конечно, второе! Сгоняй в этот поселок, сделай снимки старой шахты, местных жителей, запуганных страшными существами. И побольше ужаса и мистики в статье нагони. Место подходящее. Так что вперед! Послезавтра жду тебя с готовой статьей.

Антон сидел на переднем месте старой доброй «копейки», рассказывая свою историю подобравшему его водителю, который представился Александром.

– И много ты прошел? – спросил он.

– Не знаю, – честно ответил Антон. – Я таксиста в райцентре нанял, но мы сломались по дороге, и он обратно поехал, а я дальше пешком в Шахты пошел. Оттуда, где мы сломались, было километров двадцать. Мне так таксист сказал. Там, еще была какая-то сгоревшая после аварии колымага.

– Что прям там и сломались? – недоверчиво переспросил водитель. – Рядом с перевернутым уазиком?

– Да, он там рядом валялся, запыленный весь. Скажите, автобус правда раз в неделю к вам ходит?

– Да. – Односложно ответил Александр, не отрывая от дороги глаз. По его лицу было видно, что он напряжен и чем-то озабочен. Антон решил, что это вызвано упоминанием о сгоревшем уазике и связанными с ним слухами, которых так бояться местные жители.

По прибытию в Шахты Антон поблагодарил Александра и отправился по своим делам. В этом заброшенном, вымирающем городке он планировал провести один день, чтобы уже вечером вернуться обратно в райцентр на попутке или наняв кого-нибудь из местных. По опыту Антон знал, что в таких местах трудно раздобыть что-либо стоящее; как правило вся информация сводилась к местным, никому неинтересным новостям, слухам и байкам старого поселения. Но сегодня основной темой разговоров стала новость о сломавшемся автобусе, пассажиры которого бесследно исчезли. Эта новость сильно взбудоражила население поселка, шептавшееся об этом на каждом углу. Антон сначала незаметно подслушивал разговоры жителей, составляя в голове общую картину, после чего обратился к ним напрямую. Но местные не особо охотно разговаривали с приезжим журналистом, отвечая односложно или просто пожимая плечами, а то и вовсе спешили уйти подальше при его приближении. Когда он обращался с просьбой отвезти его за деньги к заброшенным шахтам, на него смотрели как на сумасшедшего. Антону пришлось тащиться туда пешком, чтобы сделать пару снимков ржавых железяк и поросшие травой кучи не переработанного сырья, потратив на поход около двух часов. Ничего необычного и тем более страшного он там не увидел. Тогда журналист решил отправиться в райцентр, чтобы узнать у местной полиции все подробности произошедших здесь исчезновений. Он признался себе, что был немного разочарован, ожидая чего-то большего. По сути он мог накатать статью об этих забытых Шахтах, не выходя из офиса.

Но уехать в райцентр оказалось проблематично, так как местный автобус ездил туда раз в неделю по выходным. Оставалась надежда только на то, что кто-то из местных согласится отвезти его на своей машине. Но такого человека нужно было еще найти, учитывая недоверчивое отношение жителей к нему, считавших, что он ворошит то, о чем даже думать нельзя.

На запыленной центральной площади возвышался квадратный короб кирпичного двухэтажного магазина – самого высокого здания в поселке. Первый этаж занимал продуктовый отдел, второй был отдан под прочие товары необходимые в быту. Войдя в магазин, он обратился к скучавшей за прилавком продавщице, листавшей яркий журнал, в котором на каждой странице обсуждали звезд шоу бизнеса.

– Здравствуйте! – обратился Антон, – разрешите поинтересоваться...

– Я вас слушаю, – ответила продавщица, коротко глянув на журналиста.

– Не подскажите, как от вас можно уехать в райцентр?

– Да ни как, – ответила она, не отрывая глаз от журнала.

– Я знаю, что автобус не ходит, но может вы знаете, кто согласится отвезти меня. Я заплачу.

В магазин вошел посетитель, в котором Антон узнал подбросившего его до Шахт Александра. Он вразвалочку подошел к прилавку, приветственно кивнув Антону головой.

– Сайку черного и белого, – произнес он, высыпав на прилавок горсть мелочи. – И два пива.

Протянув мужчине хлеб и пиво, продавщица, не считая, сгребла мелочь в кассовый аппарат.

– Молодой человек собрался в райцентр на ночь глядя, – сообщила она покупателю.

Александр взглянув на Антона, чему-то усмехнулся.

– Завтра утром тебя отвезу, – бросил он.

– Мне бы сегодня...

– Завтра утром, – перебил Александр. – Пойдем прогуляемся.

Антон вышел из магазина следом за женщиной, догадавшись, что тот хочет ему что-то рассказать. И не ошибся. Они не спеша шагали по пыльной улице в сторону дома Александра, потягивая пиво.

– Тебя как вообще сюда занесло?

– По работе.

– Знаю. Но почему именно к нам? Или до вас дошли кое-какие слухи о нашем поселке?

– Слухи? Это вы все про ту колымагу на дороге, пропадающих людей и бродящих по ночам мертвецов в вашем поселке? Да, у меня задание – собрать об этом материал. И поверь, в каждом таком найдутся страшные истории.

– Ты не понимаешь, Антон. Точнее не знаешь. Колымага на дороге только верхушка айсберга.

– Хорошо, куда тогда делись пассажиры из автобуса?

– Этого нам никогда не узнать.

– Полиция разберется, – уверенно заявил Антон.

– Не разберется! – еще увереннее возразил Александр. – Все, нет больше нашего дяди Жени и всех остальных.

Солнце коснулось горизонта, когда мужчины подошли к давно не крашенному железному забору. Дом Александра стоял на краю поселка возле грунтовой дороги, ведущей в заброшенные шахты. Отблески заходящего светила позволили разглядеть силуэты наземных строений, замерших на фоне темнеющего неба. Александр допил бутылку пива, бросив к себе в огород через забор.

– Извини, – сказал он, – я не могу пригласить тебя в дом и оставить с ночевкой – я тебя не знаю. Но и оставаться на улице тебе тоже нельзя.

Антон внимательно смотрел на тревожное лицо мужчины, который со страхом в глазах смотрел в сторону заброшенной шахты, отчего ему стало не по себе. И пугала Антона не заброшенная шахта, а целый поселок слишком суеверных людей, в котором ему предстояло провести целую ночь.

– Что не так с этой шахтой? – спросил он. – Почему ее закрыли?

– Это долгая история.

– Я никуда не тороплюсь, – стандартно ответил молодой журналист.

– И напрасно. Солнце почти скрылось. Пойдем!

Александр завел Антона во двор. Возле дома росла старая раскидистая береза, устало наклонив свою крону на крышу. Под ней стояла «копейка», на которой Антон добрался до этого поселка. Дальше шел невысокий деревянный гараж с распахнутыми настежь воротами. Подойдя к ним, хозяин затворил одну половину, повернувшись к Антону.

– Проходи, – произнес он, входя в темное чрево гаража.

Антон вошел вслед за ним. В гараже стандартно пахло бензином, машинным маслом и пылью. Включив свет, Александр указал на старый диван, стоявший в углу.

– Перекантуешься здесь. Сейчас принесу поесть.

Оставшись один, Антон разглядывал старый пыльный гараж, где с потолка свисали инструменты, по всем стенам, на толстых вбитых гвоздях висели порванные пакеты, сумки, вещи. В противоположенном от дивана углу стоял неработающий холодильник без дверцы с набитым в него хламом. Рядом письменный стол, заваленный промасленными деталями и два грязных стула. В этом месте журналисту предстояло провести ночь. Но это его не беспокоило и, тем более не пугало. Антон относился ко всему происходящему как к издержкам профессии.

Вскоре появился Александр, неся в одной руке сковородку с торчащими из нее вилками, в другой початую бутылку местного самогона. Весь этот ужин он поставил на стол отодвинув зачасти горячей сковородой. Из выдвижного ящика вынул две стопки поставив их на стол, предварительно сдув с них пыль. Налив до краев, он протянул одну из них Антону.

– Ну, будем здоровы! – стукнувшись, хозяин махом опрокинул стопку, закусив черным хлебом. Антон последовал его примеру. Пока он закусывал жареным мясом с луком, хозяин разлил еще по одной и так же до краев.

– Ну давай! Мне тебя завтра в город везти, поэтому удовольствие не растягиваю.

Сказав это, Александр залил в себя еще стопарь скромно закусив хлебом, предварительно пропитав его в поджарке. Антон решил не отставать от хозяина, желая таким образом скоротать этот вечер. Пойло на вкус было на редкость отвратительное, но голову кружило легко и мягко. После третьей стопки Антон решил, что пора поговорить с хозяином по душам.

– Спасибо тебе за ночлег, – начал он. – Но скажи, почему мне нельзя оставаться на улице ночью? Из-за местных?

– Да, из-за местных, – произнес хозяин, оглянувшись в открытую половину ворот. Там, на улице, уже окончательно стемнело, и темнота плотно подступила к воротам гаража, освещенного тусклой от пыли лампочкой с висевшей на ней паутиной.

– Они не любят приезжих?

– Они никого не любят!

– Александр, ты меня извини, но я ни за что не поверю, что в заброшенном, вымирающем поселке по ночам орудует банда хулиганов, наводящая на всех страх.

Хозяин неожиданно схватил Антона за затылок и придвинув к себе, зашептал на ухо.

– Ты не знаешь, кто ходит здесь по ночам! Ты не знаешь, чего они хотят! И, надеюсь, ты никогда не узнаешь, как они выглядят! Тебе очень повезло, что они не забрали тебя, пока ты шарился возле их логова и фотографировал.

Оттолкнув Антона, хозяин разлили еще по одной.

– Слушай меня внимательно. – продолжил он. – Сейчас я пойду домой, и ты сразу закроешься за мной. Погасишь свет, ляжешь спать. На улице ты будешь слышать странные звуки, голоса, шаги. Возможно кто-то будет стучать тебе в дверь – не вздумай открывать! Сиди здесь пока не поднимется солнце. Ты меня понял?!

– Понял, конечно.

– Не верю! – хозяин схватил Антона за грудки обеими руками. – Журналисты вечно суют свой нос куда ни надо и вам это сходит с рук. Но поверь, в этом месте любопытство тебя убьет! – Взяв стопку, хозяин посмотрел на Антона. – Извини за грубость. Это все страх. Хочешь узнать, чего мы так боимся – оставь дверь открытой, и ты все узнаешь. Но вот только рассказать уже не сможешь. Как не сможет рассказать дядя Женя со своими пассажирами, которых ищет полиция.

– Так чего вы боитесь?! Кого?!

– Они выходят по ночам из заброшенных шахт. Завтра утром я тебе все расскажу. Нам пора запираться двери.

Не дожидаясь Антона, хозяин опрокинул стопку, и не закусывая поспешил домой. Антон простоял какое-то время в оцепенении, пытаясь переварить слова хозяина. Что здесь происходит?! Розыгрыш он исключил сразу, понимая, что с таким ужасом в глазах не разыгрывают. Оставался второй вариант: местные запугали друг друга страшилками о призраках из заброшенных шахт до такой степени, что теперь сами поверили в это, списывая все происходящее на злых духов из подземелий. Размышляя он простоял несколько минут глядя в открытую дверь гаража в густую ночь. Немного подумав, все же запер дверь на железный засов, потушил свет и устало завалился на старый диван. Тишину ночи нарушали только сверчки и комары, жужжавшие над ухом. Под это экзотическое пение Антон провалился в глубокий сон.

Разбудили его приглушенные голоса за стеной гаража. Они были не громкими, приглушенными, что-то монотонно бубнившими себе под нос. Антон открыл глаза, но разглядеть в этой темноте что-либо было невозможно. Некоторое время он тщетно прислушивался, пытаясь понять, о чем говорили за стеной. Включив телефон, посмотрел на часы – начало второго. В ту же секунду голоса смолкли словно потревоженные светом телефона. Антон испуганно прижал экран к дивану, боясь себя выдать. Свет мог проникнуть сквозь щели, выдав его присутствие, привлекая внимание неизвестных. Скорее всего именно так и случилось, потому что голоса больше не повторялись, но стали раздаваться шаги вокруг гаража. Антон почувствовал, как его сердце заколотилось в груди. Кто они? Кто ходит за этими деревянными стенами? Осторожно встав, он прокрался к столу и нащупав сковородку схватил ее за ручку, высыпав остатки ужина на пол. Он был один в чужом поселке и мог рассчитывать только на себя. В этот момент он совсем не думал о призраках, опасаясь местных. Александр списывал исчезновения людей на потусторонние силы, но тяжелая сковородка в руке немного успокаивала, так как Антон опасался вполне материальных личностей.

Шаги стихли, но журналист продолжал стоять в темноте со сковородой в руке. В гараже должна быть монтировка, молоток или топор, но включать свет, чтобы вооружиться как следует, Антон не спешил, оставив это на крайний случай. Успокоившись, решил вернуться на диван, положив сковородку рядом с собой. О сне не могло быть и речи. Оставалось только дожидаться утра, до которого около трех тягучих часов без возможности развлечь себя телефоном или чтением статей своих коллег.

Оглушительный удар в дверь разорвал тишину, едва не разорвав молодое сердце журналиста. Начался штурм! Пронеслось в голове Антона, подпрыгнувшего на диване. Схватив ставшую такой родной сковородку, он приготовился к бою зная, что помощи от Александра он не дожидается. И вновь напряженная, ощутимая тишина, длившаяся неопределенно долго. Вернувшись к дивану, Антон, накрыв собой телефон, посмотрел на часы – около двух ночи. Когда же она закончится! Где-то совсем рядом послышался плачь, не то детский, не то женский. Кто-

то всхлипывал и тихо стонал за стеной. Плачь оборвался так же резко, как и начался. И вновь наступила тишина.

Теперь она была напряженная, в ожидании очередного удара. И он не заставил себя ждать. Что-то тяжелое упало на покатую крышу гаража и с грохотом покатило вниз, глухо упав на землю. На этот раз Антон не стал подрываться готовый к бою, оставаясь на диване, но прислушиваясь ко всему происходившему снаружи.

Тишина повторилась. Журналист был знаком с этим приемом психологической обработки. Местные знали, что приезжий ночует в гараже, вот и устроили себе развлечение. Успокаивало то, что никто не собирался его убивать или даже избить, так как сделали бы это уже давно. Эти размышления успокоили журналиста, сердце его больше не выпрыгивало из груди при каждом оглушающем ударе, разрывающим тишину летней ночи. Его уже было бесполезно пугать этими дешевыми приемчиками, и он решил нанести контрудар.

Журналист тихонько подкрался к двери и бесшумно отодвинул засов – сейчас он устроит хулиганам психологическую обработку! Антон терпеливо ждал удобного момента, готовый атаковать противника. Через щель в двери он увидел возникшую тень и звук, напоминавший затанное дыхание. Он попытался разглядеть этого человека, но кроме бесформенной тени ничего не видел. Самое время для внезапной атаки! Распахнув дверь гаража ударом ноги, Антон в ту же секунду включил яркий фонарь на телефоне, пытаясь ослепить осаждавшего его противника. Но за дверью никого не оказалось. Свет фонаря выхватил из темноты стоявшую рядом «копейку», тускло блеснувшую номерами, поникшую березу и старый некрашенный забор. За углом гаража так же никого не оказалось. Мысленно пожав плечами, Антон решил вернуться в свое убежище, как в этот момент за его спиной раздался нечеловеческий хохот, больше напоминавший крик. Перепугавшись до смерти, он развернулся на сто восемьдесят градусов вместе с фонарем, свет которого осветил какую-то бесформенную тень, бросившуюся на журналиста. В ту же секунду свет погас вместе с экраном телефона, упавшего на бетонную дорожку.

Утром хозяин увидел открытую дверь гаража и сразу все понял. Найденный телефон с разбитым экраном только подтвердил его догадки. Те, кто бродил по этим местам по ночам забрали еще одного. Что с ними происходит, когда они оказываются среди выходцев из темных подземелий? Томятся в кошмарном плену или присоединяются к ним, чтобы так же ночами выслеживать новые жертвы?

Хозяин поднял разбитый телефон пропавшего журналиста и зашвырнул его подальше от своего двора, после чего приступил к будничным делам, которыми была наполнена его жизнь. Как и жизнь его односельчан. Они научились жить бок о бок с тем страшным, что вырвалось из подземелий наружу, потревоженное людьми. Чтобы не столкнуться с этим, нужно было быстрее убраться с темнеющих улиц и закрыться в доме до темноты и ждать долгожданного рассвета.

Всё хорошо

Время около десяти утра. За непроницаемой шторой играет яркое солнце пытаюсь заглянуть в окно. Немного понежившись в большой, но уютной кровати, он тихо поднялся, стараясь не разбудить спящую жену, которая мирно посапывала, уткнувшись в подушку.

Контрастный душ всегда приводил его в чувство. Чашка сваренного кофе на голодный желудок делала это утро еще более ярким, бодрым и насыщенным, как сам напиток. Потягивая кофе, он выглянул на улицу вспоминая вчерашний вечер. За окном яркое солнце играло в кристаллах нападавшего за ночь снега, который сопровождал их прогулку. Вчера, поздно вечером, распив бутылку шампанского, они с женой решили прогуляться пешком, наслаждаясь крупными хлопьями снега, бесшумно падавшим на предпраздничный, горящий миллионами огней город. Снежинки ласково щекотали лицо, превращаясь в капельки и лишь ненадолго задерживаясь на ресницах. Витрины магазинов и без того привлекательные, вспыхнули новыми огнями. Несмотря на поздний час, в окнах уютно горели разноцветные гирлянды наполняя квартиры каким-то волшебством. Он чувствовал себя особенно счастливым в этот сказочный вечер идя с любимой женой под руку, любуясь ее красивым лицом и блеском счастливых глаз.

Сегодня же снегоуборочные машины суетились, расчищая дорогу. Прохожие, укутавшись в шарфы и поднятые воротники, шныряли по заснеженным тротуарам, заботливо прибранными дворниками этой ночью. В воздухе витал запах ели и мандаринов, отчего казалось, что вот-вот начнут раздаваться хлопки открываемых бутылок шампанского и конфетти. До Нового года оставалось три дня. Город сотрясали набеги на супермаркеты, люди спешили закупить подарки, успеть заказать Деда Мороза со Снегурочкой и отгулять на работе корпоративы, которые, порой, своим размахом превосходили празднование самого Нового года.

Кофе и предпраздничное настроение пробудило аппетит. Три ярких желтка, обрамленные белком, поджаривались на сливочном масле и уже вскоре перекочевали в блюдо. Он ел не спеша, запивая яичницу молоком и рассеянно слушая утреннюю болтовню ди-джейев по радио. Они в очередной раз разыгрывали приз, получить который можно было правильно ответив на пару простых вопросов. Ведущие изо всех сил помогали первому дозвонившемуся и, как выяснилось, не напрасно – теперь он счастливый обладатель пригласительного билета на всю семью в торгово-развлекательный центр на новогоднюю елку.

С завтраком было покончено. Пора будить жену, иначе она не успеет собраться до вечера. Опаздывать на самолет, вылетающий в один из северных городов страны, было просто недопустимо. Их ждали заснеженные леса, катания в оленьих упряжках, теплые номера и посиделки у горящего камина за просмотром отснятых за день фотографий. Он давно мечтал встретить Новый год именно в таком месте, откуда тот начинал свой долгий путь длиною в год, выходя из леса, срывая с веток нападавший снег и шел дальше по всей Земле.

И без того хорошее настроение стало еще лучше от предвкушения дороги и близости мечты, от которой его отделяли считанные часы.

Инородное тело

Через три месяца полета на окраину Галактики, мой корабль, снижая скорость, вошел в планетарную систему тускнеющей звезды М3111. На одной из ее орбит медленно вращалась недавно открытая экзопланета. Я был знаком с этим объектом по фотографиям и сухим отчетам, дающим лишь общее, весьма поверхностное представление. Теперь мне предстояло познакомиться с ней лично.

Было установлено, что эта планета с романтическим названием XR8112, являлась пригодной для жизни и, возможно, была обитаема примитивными формами в лице простейших микроорганизмов и бактерий. Она имела три материка и два огромных океана, несколько морей и стандартные полярные шапки. Особенности рельефа представляли широкие пустыни, чередующиеся с высокими горными системами. Детальный просмотр видеоматериала, снятого автоматическим зондом, показал наличие около сотни горных озер и несколько тысяч гектаров леса в экваториальных широтах экзопланеты.

Познакомившись с XR8112 в буквальном смысле поближе, я поспешил спуститься на ее поверхность. Многомесячный перелет утомил настолько, что мне не терпелось скорее приступить к тяжелой, скрупулезной, физически изматывающей работе. В моем распоряжении была всего неделя. Ровно через семь дней, по строго выстроенному графику, сюда прибудет целый отряд ученых вооруженных приборами и сложной техникой, с целой исследовательской лабораторией на борту. Нужно как всегда спешить, чтобы успеть собрать основную информацию о планете. Это сухие, бесцветные цифры и до предела лаконичные данные, которые позволят прибывшей группе исследователей чувствовать себя в относительной безопасности в новом мире. Благодаря мне, они будут осведомлены о сейсмических колебаниях в радиусе долгосрочных баз и перепадах температур в исследуемых зонах. Портативные станции, которые мне предстояло разбросать по всей планете, должны ежедневно оповещать о возникающих извержениях, возможных цунами, пожарах и наводнениях. И только после этого начнется поэтапное, подробнейшее исследование всей планеты.

Но, как бы я не торопился, сам спуск на поверхность, это совсем другая история, рассказывать которую нужно не спеша и осторожно. Место лирики и душевных переживаний, философских размышлений и элементарной спешки быстрее сделать свою работу, занимает максимальная сосредоточенность. Во время спуска всегда предельно внимателен, даже когда внизу тебя ждет ярко освещенный космопорт. Что говорить о неизведанном мире, где нет и следа от человеческого ботинка. Я всегда стараюсь избежать самых незначительных на первый взгляд ошибок, приводящих к роковым последствиям, как случилось уже не раз с моими коллегами. И мне бы не хотелось пополнить этот траурный список.

Когда я отстыковываю от корабля спускаемый аппарат, устремляя его на незнакомую поверхность, ошибаться недопустимо. На этих ошибках невозможно учиться, они всегда одновременно первые и последние. Я всегда один на один с техникой и стихией неизведанной планеты. За моей спиной также безлюдно, как и в ожидающем меня мире. В случае неисправности или аварии, помощь прибудет только через неделю. Каждый раз я бросаю нашпигованный аппаратурой катер вместе с собой в неисследованный, полный тайн и загадок мир, становящийся от этого еще более опасным и в то же время гипнотически притягательным.

Запеленговав место своей посадки, я поспешил заняться делом. Местом первой высадки было предгорье высоченного хребта, подножие которого обдували ветра, обдавая его песчаными волнами огромной пустыни. В моей практике были десятки посадок в неизведанных мирах, но каждый раз я переживал их по-новому. Планета приближалась стремительно, но еще стремительнее удалялся мой корабль, последняя ниточка, связывавшая меня с моим род-

ным, далеким миром. Но, как я уже говорил, во время спуска, мою голову занимали далеко не лирические мысли.

Быстро плывущие облака говорили о ветреном ненастье на поверхности. Мой челнок, входя в верхние слои атмосферы, словно ударился о плотную, напоминающую водную массу, субстанцию. Меня резко бросило вперед, но аварийные ремни удержали мое тело на месте. В глазах потемнело, в ушах стоял противный звон, тошнота подступила к самому горлу. Приборы вздрогнули, показатели метнулись к запредельным цифрам, напоминая человека, поднявшего в удивлении брови. Данные спектрального анализа не сообщали о наличии столь плотной атмосферы. Дальнейший спуск вызвал сильнейшие перегрузки, из-за которых я потерял сознание. За время беспомощности, продолжавшегося считанные секунды, мне успел привидеться кошмар: нелепые образы, странные и, в то же время страшные картинки ворвались в мое сознание, наполняя его до краев. Я быстро пришел в себя – зрение сфокусировалось на приборах, звон в ушах стал медленно затихать. Я не помнил ничего, что видел только что, но тяжелый, гнетущий осадок остался. Перегрузки продолжали возрастать, но разыгравшееся от происходящего любопытство не дало потерять сознание. И страх, вновь увидеть то, что видел сейчас, но уже успел забыть.

Я попал в очень непростую ситуацию, оказавшись в плохих погодных условиях с приборами, выдававшими немыслимые показания – то я внезапно оказывался гораздо выше реальной высоты, то проваливался ниже уровня моря, когда приборы указывали высоту со знаком минус, это было равносильно тому, что я летел бы под землей. При этом я чувствовал себя так, словно пытаюсь взлететь с планеты с сильнейшей гравитацией. В подобной ситуации не могло быть и речи о попытке совершить посадку на незнакомом рельефе. Возможно, я попал в ураган, разыгравшийся в верхних слоях атмосферы, а бешеные показания приборов списал на магнитные аномалии, природу которых еще предстояло изучить. Решив обойти циклон, я попытался подняться на несколько километров, чтобы выйти в более разряженные слои неприветливой атмосферы. Приборы сразу пришли в норму, но радость моя была недолгой. Корабль затрясло мелкой дрожью, показатели энергетического запаса честно отмечали колоссальный расход, грозящий мне остаться без тепла и света, и главное, без связи. Возникла реальная угроза провала, только что начавшейся экспедиции. У меня было два пути: первый – выжать все соки из себя и машины, но выйти в безопасный космос, отложив попытку, второй – попытаться сесть, рискуя практически всем. Первый вариант был куда практичнее безрассудного риска, который предлагал второй. Я решил вернуться на свой, ставший орбитальным шатл, где мог в спокойной обстановке выяснить причины таких больших энергозатрат. На все размышления ушло не больше секунды, не теряя их еще больше, я стал набирать высоту. Расход топлива превышал все допустимые нормы. По опыту я знал, что даже при взлете с поверхности уходит куда меньше. Утечку из-за дефекта топливного резервуара я исключал, но судя по тому, как таяли запасы, был готов поверить во что угодно.

С таким расходом топлива я не мог выйти на орбиту, так как мне было необходимо сделать по меньшей мере еще один виток, чтобы вырваться из магнитного поля планеты. Сажать машину на неподготовленную площадку можно только по приборам, но они в свою очередь, с приближением к поверхности вытворяли нечто невообразимое. И конечно, в придачу, отвратительные погодные условия. Усовершенствованные литиевые батареи с ядерной начинкой проявили солидарность с топливным отсеком, расходуя бесценную для меня энергию неизвестно куда, продолжая беспричинно разряжаться. На табло мигали красным невеселые цифры «47%» – меньше половины заряда! Этого мне никак не хватит на неделю даже в экономном режиме.

Чувство паники неумолимо росло, заполняя все большее пространство, отведенное под холодные, расчетливые мысли. Я прекрасно понимал, что мне надо обязательно вернуться на орбитальную базу, где можно попробовать устранить неполадки или, хотя бы, установить их

причины. А если выйти в открытый космос так и не удастся, при этом израсходовав все топливо, я устремлюсь вниз, как метеорит и сгорю, так и не долетев до поверхности. Да, это будет страшно красивая смерть, красоту которой некому будет оценить на этой безжизненной планете. Никто не загадает желание, глядя на падающую звезду, объятую огнем, сердцем которой будет мое заживо кремированное тело. Это меня устраивало меньше всего и я, наконец, признался сам себе, что не смогу уже самостоятельно взлететь. Даже столь рискованное приземление выглядело как спасение. Если посадка пройдет успешно, а я верил в свои силы и опыт, то у меня будут неплохие шансы выжить, продержавшись до прихода основной группы.

Не рискуя совершать резкое снижение, я выровнял свою машину стараясь удерживать горизонтальный полет по ненадежным приборам и, только после этого приступил к снижению с уклоном десять – пятнадцать градусов относительно горизонта. Мои надежды, что расход топлива сократится, не оправдались. Энергетический заряд батарей снижался все с той же подозрительной скоростью. С такими темпами, даже удачно приземлившись, я останусь без средств к существованию. Выбора не оставалось. Я пустил свой челнок в крутое пики, подвергая себя и машину дополнительным перегрузкам. Тучи рваными клочками проносились мимо меня, открывая панораму поверхности. В нескольких километрах подо мной проступил суровый силуэт каменного хребта, вершина которого была сглажена царившими на этой высоте ветрами. Дальше, на многие километры простиралась песчаная пустыня и лишь у самого горизонта, на северо-западе, она прерывалась горным массивом, окутанным грозowymi, клубящимися облаками.

Мой современный спускаемый аппарат был способен совершить вертикальную посадку на опоры с мощными амортизаторами, что спасло мне жизнь. По крайней мере, продлило на неопределенный срок. Корабль приземлился у подножия хребта почти без повреждений, оплавив под собой песок. Показания приборов по-прежнему метались, но их уменьшившаяся амплитуда давала возможность вычислить среднее, относительно точное число. Все мое внимание было приковано к показаниям энергосчетчика. Цифры на его табло прыгали от тридцати до сорока процентов. Это было лучше, чем я ожидал. Даже тридцать процентов обеспечат меня теплом и связью дней на пять, при условии, что батареи и дальше не будут разряжаться без видимых причин. Показания топливного резерва не радовали – его жалкие остатки позволяли взлететь на небольшую высоту и совершить короткий перелет километров на десять, не больше. Температура за бортом составляла девятнадцать градусов выше нуля по Цельсию. Ураганный циклон, свирепствовавший в верхних слоях атмосферы, вынес мой плохо управляемый аппарат в северо-восточном направлении от заданной точки. Это означало, что придется дополнительно расходовать остатки энергии на обогрев не только себя, но и оборудования не терпевшего низких температур. Я должен был сесть западнее на несколько тысяч километров, где сейчас занимался рассвет и начать работу с раннего утра. В широте, где я совершил практически аварийную посадку, был полдень. День был безвозвратно потерян.

Немного успокоившись после безумного приземления, решил заняться тем, зачем сюда прибыл, отложив сеанс связи с «Пионер 2». Я очень спешил, стараясь наверстать упущенное время. Моя миссия была практически провалена, но в моих силах было сделать все от меня зависящее.

Сняв с себя скафандр, я переоделся в рабочий комбинезон. Надев теплую куртку, снабженную множеством карманов и натянув вязаную шапочку, я настроил наручные часы по бортовому хронометру на местное время. Теперь я был готов к выходу на поверхность. По инструкции я должен установить мощный радиомаяк, который укажет прибывшей группе мою первую посадку. Каждый радиомаяк передавал определенный сигнал, прослеживая все мои передвижения по планете и сохраняя всю информацию. Это обеспечивало дополнительную безопасность одинокому рейнджеру и упрощало его поиски в случае прекращения связи или даже аварии.

Выход на поверхность не сопровождался праздничным настроением, не радовал даже рифленный след от моего ботинка, первым ступившим на поверхность, я не чувствовал себя Армстронгом, звездная пыль на сапогах не кружила голову. Ее кружила бедная кислородом атмосфера. Прохладный ветер обдувал лицо, неся в разряженном воздухе запах далекой грозы, под ногами бегали пылинки, гонимые ветром. Я закрыл шлюзовой отсек и осмотрел свой корабль на наличие повреждений. Поверхностный осмотр, как и ожидал, ничего не дал, и я поспешил установить портативный радиомаяк. Неся на плече радиоустановку, а в руке ящик с необходимыми инструментами, я медленно и неохотно удалялся от своего последнего, ненадежного убежища, приближаясь к круто вздымающимся, выщербленным скалам. Присмотревшись относительно пологий подъем, преодолевая кислородное голодание под тяжелой ношей, я двинулся в его направлении. Мне было необходимо надежно закрепить маяк на твердой поверхности и как можно выше для улучшения сигнала. Сейчас я жалел, что не закинул за спину кислородный баллон с маской, посчитав, что имеющегося кислорода в атмосфере мне вполне хватит. Чертова спешка!

Осколки обветренных скал осыпались под ногами затрудняя продвижение, но я взбирался все выше. Минут через двадцать мне удалось найти плоскую площадку, идеально подходящую для установки маяка. Не теряя драгоценного времени, а было уже далеко за полдень, к тому же темнеет в этих широтах рано, о чем говорило местное светило, быстро, уверенно и неумолимо спускавшееся к горизонту, я приступил к работе. Инструменты легко проделали в скальной породе три глубоких отверстия для крепления установки. Я работал быстро, но несмотря на это, едва успел засветло. Стемнело гораздо раньше, чем я ожидал. Усиливающийся ветер разогнал плотные слоистые облака позволяя разглядеть у восточного горизонта первые, пока еще тусклые звезды. Из угасавшего на западе зарева вынырнула местная большая луна, совершая обход своих пустынных владений с запада на восток. Меня охватило странное ощущение, что поднимающаяся луна удивлена моим появлением и неодобрительно взирает, изучая дерзкое поведение чужака. Меня пробрал озноб, который я списал на резкое снижение температуры и усиливающийся ветер, и все же чувствуя на себе пристальный взгляд, поспешил вниз.

Наручные часы показывали около пяти вечера, но спускаемый аппарат, приютившийся у подножия, был погружен во тьму. Горели лишь три габаритных огня, включившиеся автоматически с наступлением темноты. В окружности десяти километров скалы и огромные камни, где завывал набирающий силу ветер. Дальше простиралась пустыня, ярко подчеркивая мое одиночество. Словно опровергая мои мысли, где-то далеко в пустыне, загорелся и погас огонек. Затем еще. Через секунду вновь возникло свечение со строгими границами, отдаленно напоминавшее габаритные огни. К мерцающей точке присоединился еще один, затем еще. Вскоре, среди барханов горело целое созвездие. Спустя некоторое время оно стало медленно смещаться. Вскинув бинокль, я попытался разглядеть поближе это загадочное явление. Но, пятидесяти кратное увеличение ничего не дало. Бинокль был слишком слабым. Сквозь окуляры я видел четкие границы барханов, подсвеченные странными огнями, но само свечение оставалось размытым и не четким. Увиденное я списал на атмосферные явления, но тревога по-прежнему нарастала. Нет, я не был напуган этими огнями – за годы исследований видел и не такое. Я тревожился из-за неполадок на корабле, из-за которых не смогу провести и десятой части необходимой разведки. И в то же время меня душила другая тревога, пугавшая тем, что я не мог установить истинной ее причины.

Я не заметил, как внезапно стих ветер, загипнотизированный сиянием звезд, обитавших в пустыне. Их сияние постепенно поблекло и растворилось в темноте. Наступила тишина. Но это была тишина не засыпающей природы и стихшего ветра. Она напоминала затаившегося зверя, готовившегося к прыжку. Странная ассоциация, но она настойчиво сверлила мое сознание. В этой звенящей и, как мне казалось, напряженной тишине, я стал различать какой-то шум, но никак не мог понять его природу. Он был такой неземной и своей чуждостью вво-

дил в гипнотическое состояние, подавляя волю, приводя в ужас. Волна паники охватила все мое сознание. Нет, только не паника! Да что же со мной происходит?! Я ощутил бешеные удары сердца. Звезды, горевшие в пустыне, вспыхнули с новой силой, ярче и заметно ближе. Настолько ближе, что их свет играл на моей одежде и скалах. Я напрасно всматривался в гипнотическое сияние, пытаюсь понять, что это, пока они не слились в одно расплывчатое пятно. Затем наступила крошечная темнота... Чувство падения, удары, никакой боли.

Очнулся лежа на холодных камнях, больно впивавшихся в спину. Нестерпимое ощущение, что кто-то стоит надо мной и пристально смотрит, заставило через силу открыть глаза, и я увидел... Прямо надо мной, высоко в небе, светила яркая луна, продолжая меня изучать, подобравшись поближе. Неужели я так долго пробыл без сознания, что ночное светило успело пройти половину своего пути? Я осторожно огляделся – все те же скалы, строго очерченные лунным светом. В метрах десяти выше исправно мигал маячок установки. Ящика с инструментами поблизости не было, скорее всего, валяется где-то в темной расщелине. С рассветом можно будет его поискать. Я решил посмотреть на время, но, как это ни странно, часов на месте не оказалось. Они были застегнуты специальным замком, да и рука в этом месте оставалась целой! Создавалось ощущение, что часы кто-то аккуратно снял пока я валялся без сознания. Я представил себе, как ко мне подходит кто-то или что-то и, касаясь меня своими руками или щупальцами, умышлено снимает их, как безделушку, понравившуюся аборигену. От этих мыслей тошнота подступила к самому горлу, а душа, наоборот, устремилась куда-то вниз.

Несмотря на холодные камни, больно давящие в спину, встать не хотелось. А может я просто не мог? Пока я собирался с силами, земля подо мной стала тихо вибрировать, издавая гул, словно ей было неприятно держать на себе живое существо. Эта мысль навела меня на другую, более безумную – я на этой планете инородное тело, от которого она пытается избавиться! Глупости? Тогда почему я в таком состоянии? Почему возникли такие трудности сразу, при входе в атмосферу? Откуда это не подавляемое чувство собственной чуждости и присутствия еще чего-то у морально устойчивого, психически здорового человека? Я – инородное тело! Эта мысль буквально въелась в мое сознание и крепко там засела, объясняя все странности, происходящие со мной. Возникло чувство, что планета обрадовалась моей догадке и теперь ждет соответствующих действий.

Луна сместилась ближе к горизонту, растягивая строго очерченные тени скал и камней. Я стал осторожно подниматься и замер в неуклюжей позе. Боковым зрением я уловил движение, словно одна из вытянутых неприветливым лунным светом теней сделала резкое движение в мою сторону. Расширенными от темноты и ужаса глазами я пытался разглядеть нападавшее на меня существо. Но тени были неподвижны, повторяя не только строгий силуэт своих хозяев, но и непоколебимость их монолитной структуры. Ветер вновь стих и уже ничто не нарушало тишины, кроме барабанного боя наполненной адреналином крови в моих висках.

Я заметил, хотя и не уделил этому должного внимания, что ветер периодически затихал до полного штиля, после чего вновь набирал силу, практически сбивая с ног. Это мне напомнило дыхание. Дыхание самой планеты. От этих мыслей меня охватил суеверный страх, о котором до этого дня я не имел понятия.

Теперь, единственным желанием было быстрее добраться до корабля и закрыться там, держа оборону от своих страхов до утра. Думать о том, что мне торчать тут неделю я не мог и не хотел, особенно сейчас, когда был на поверхности и без защиты. Камни и пыль осыпались под ногами, убегая вперед, стекая вниз сухим водопадом, а я, в пылу бешеного бега вновь догонял его, оставляя позади и сразу образуя еще один. Создавалось ощущение, что теперь за мной точно кто-то гонится, сообразив о моих намерениях сбежать в свое логово. На девяносто девять процентов мое сознание было заполнено коктейлем ужаса, отчаяния и паники. Не хватало еще одной капли в этот страшный коктейль, чтобы окончательно сойти с ума.

Я мчался, едва успеваю переставлять ноги, но корабль, вместо того, чтобы становиться ближе казалось, предательски удалялся от меня. Ни это ли та самая последняя капля, которую добавила планета в мое сознание, как антибиотик для микроба, вгоняя меня в безумие? Нет! Я справился и с этим видением. Моя база была все ближе, маня теплым светом, льющимся из открытых створок. Этот манящий свет отбил у меня всякое желание возвращаться на корабль. Я резко остановился, жадно глотая воздух, теряя сознание от кислородного голодания. В голове вспыхнула мысль – опоздал, ОНИ проникли на корабль, ОНИ ждут меня там! Иначе как объяснить открытый шлюзовой отсек и горящий там свет, который работает только в том случае, когда в помещении кто-то находится. Я был так близко, что мог разглядеть, как вновь поднявшийся ветер намел внутрь корабля песок, метавшийся под его порывами из угла в угол. Больше никого и ничего я не увидел. Это не могло не радовать. Открытые входные створки, через которые я проник внутрь и тут же их запер, не могли быть галлюцинацией настолько, насколько и не могли открыться без моего вмешательства.

Я пытался отдышаться, прижавшись спиной к закрытым входным шлюзам, лихорадочно соображая, КТО! Я спрашиваю, КТО МОГ ОТКРЫТЬ БЕЗ МЕНЯ МОЙ КОРАБЛЬ?! КТО!!! Чудом сохранившимся остатком здравомыслия, я приказал себе успокоиться и мыслить логически.

– Хорошо, – произнес я вслух. – Еще на горе у меня начались видения или галлюцинации, не важно, главное я справился, и со мной ничего не случилось.

– А открытая дверь, в которую ты только что вбежал? Горящий свет, реагирующий на чье-то присутствие, когда тебя здесь еще не было? – спросил я у себя.

– Мне показалось, что она открыта! – нашелся я. – Когда я подбежал, открыл ее и сразу об этом забыл, вот и все! Она была закрыта. Никто ее не мог открыть кроме меня!

– Логично конечно, но как ты объяснишь это.

Я стоял, по-прежнему подпирая входные створки, рассматривая песок и мелкие камушки, разбросанные по всему шлюзовому отсеку.

– Этот мусор я принес с собой! – Уверенное заявление и вполне объяснимое, но я не поверил, просто промолчал, продолжая тешить себя надеждой не понятно на что. Стараясь не думать о том, что со мной происходило, в реальности или нет, стараясь отвлечь себя работой, я приступил к уборке шлюзового отсека. Где-то далеко в подсознании заработала здравая мысль срочно выйти на связь с «Пионер-2» и доложить всю обстановку. Странно, почему я не сделал этого сразу после посадки. Тем более, посадка была аварийная, сопровождавшаяся невыясненными потерями топлива и энергии. После посадки я выяснил, что не смогу провести подготовительные работы, так как корабль в аварийном состоянии и едва способен поддерживать жизнеобеспечение команды. Возникало ощущение, переходящее в уверенность, что сразу после входа в атмосферу я уже неадекватно оценивал ситуацию, соответственно неверно принимая решения. А если показания приборов ложь?! Как я сразу об этом не подумал! Не могло же топливо просто испаряться!

Вакуумная вентиляционная система, которой оснащены все шлюзовые камеры, издавая тихий гул, вбирала в себя чужеземную пыль, возвращая ее обратно на поверхность. Очень радовало то, что пылью была засыпана только шлюзовая камера и, что она не проникла дальше в корабль благодаря задраенным внутренним створкам. Работа земной и близкой мне техники успокаивала. В голове стало проясняться. Казалось, паника была беспричинной, а мое безумное бегство показалось мне даже забавным. Особенно разговор с самим собой. Мысли были четкими и логичными, ясность головы радовала, поднимая настроение. Страхи, овладевшие мною на поверхности, прошли как страшный сон с рассветом.

Убедившись, что шлюзовой отсек очищен от пыли неприветливой планеты, которая действовала на меня как наркотический порошок, я прошел первичную обработку верхней одежды

аэрозолем. Впредь, на поверхность буду выходить только в легком скафандре исключавшим прямой контакт с планетой.

Переодевшись, я бросил верхнюю одежду в автоклав на вторичную обработку, желая убедиться, что теперь ничто на меня не будет воздействовать из вне. Нужно максимально снизить прямые контакты с атмосферой, в состав которой входит сильный психотропный газ или что-то в этом роде. Возможно, подобная аномалия присуща только определенным местам или широтам, или этот нервнопаралитический газ, который я себе выдумал как одну из версий происходящего, принесло ветром из какого ни будь разлома в коре. Не важно. Пусть этим занимаются ученые. Не мое это дело строить догадки и разбираться в странностях атмосферных явлений и прочего!

Итак, доклад о посадке корабля и его аварийном состоянии я вновь решил перенести на некоторое время, пока сам не буду убежден в его неисправном состоянии. В маленьком отсеке, выполнявшим функции спальни и кухни одновременно, я сделал себе сладкий крепкий кофе, в который добавил добрую порцию водки. Над кружкой клубился ароматный, опьяняющий и успокаивающий дымок. С удовольствием одолев пол кружки, я отправился в отсек управления. Только усевшись в свое командирское кресло понял, как устал. Время около семи часов вечера. Кабина управления погружена в уютный, теплый мрак. Мигали лишь несколько огоньков на панели управления и показатели системы жизнеобеспечения.

Приборы продолжали показывать незначительный, но необъяснимый, расход энергии и топлива. Дублирующая программа показателей выдавала все тот же расход. Меня очень взволновало то, что сработала аварийная система жизнеобеспечения, что говорило о реальной, не выдуманной мной угрозе.

Что делать я не знал, продолжая бездумно смотреть через лобовое стекло на тусклые звезды. Я медлил, пребывая в нерешительности и бездействии. Какая-то человеческая фигура бесшумно прыгнула на лобовое стекло с распростертыми объятиями узловатых конечностей. От неожиданности я выпрыгнул из своего кресла, разлив остывающий кофе и упал на пол. Я проделал это с такой скоростью, словно только что катапультировался. Не поднимаясь с пола, сам того не желая, посмотрел в окно. Я не хотел снова увидеть это человекообразное существо, но взгляд сам искал его. За толстым стеклом все так же безразлично мерцали тусклые звезды. Само стекло было запыленным, без каких-либо следов чьего-то присутствия на нем. Планета продолжала настаивать на моем скорейшем уходе, не понимая, чего я еще медлю.

Я понимал, что все это игры разума и этому есть научное объяснение. Но страх от этого меньше не становился. Во мне разыгралась гордость. Как можно запугать меня, человека, прожившего в одиночку в общей сложности годы на подобных планетах? Эти страшилки на меня не действуют! Они не способны причинить мне вред, пусть хоть круглые сутки ползают по моему кораблю. Это все видения.

Я осторожно поднялся в ожидании дальнейших проявлений негостеприимной планеты. Но никто больше не прыгал на окна, я не видел свечения странных огней, не было вибрации земли под ногами. Но, несмотря на свой юношеский задор, зрелым разумом понимал, что зря затеял эту игру. Я был обречен на поражение.

Мои тревоги не заставили себя долго ждать, воплотившись в реальность в следующую минуту. Мой корабль стал медленно проседать на один борт. Угол наклона увеличивался с каждой минутой. Обреченно усмехнувшись самому себе, сообразив, что происходит, я вышел через шлюзовой отсек на поверхность. Часть корабля неумолимо погружалась в песок. Дополняя эффект превосходства, совсем рядом вспыхнули таинственные огни, виденные мною в пустыне. Но на этот раз их свет был так ярок, что ослеплял меня. Что-то пробежало над моей головой по обшивке корабля. Если страшные существа с узловатыми конечностями не могли причинить мне вреда, как и вспыхнувшие огни, так как были всего лишь галлюцинациями, то

теперь мне грозило вполне реальное физическое уничтожение в лице зыбучих песков, вдруг оказавшихся под моим кораблем. И здесь я был бессилен.

– Хватит! – крикнул я, пытаюсь перекрыть ветер, признавая, наконец, поражение. Но в этом не было никакой необходимости. Мне было достаточно просто подумать и меня услышат. – Хватит! – Вновь крикнул я. Так было привычнее и проще. – Я улетаю!

Нужно срочно взлетать, пока крен корабля не стал критичным! Иначе взлет будет невозможен. Если я вообще смогу взлететь. Но у меня не было выбора. Я должен попытаться вернуться на орбиту игнорируя показания приборов, и там уже со спокойной и, уж точно ясной головой проанализировать все, что со мной произошло. И, наконец связаться с «Пионер2» и сообщить им все, что я знаю. Не побояться и честно поделиться своими мыслями. Но как я смогу произнести эти слова? Как?! Я не знал с чего начать. Я вообще не имел понятия что делать в этой ситуации, так как впервые в жизни столкнулся с необъяснимыми явлениями. Но я знал, какими бы загадками и явлениями нас не удивляла Вселенная, этому всегда есть научное объяснение. Трудность заключается лишь в том, чтобы обосновать научно то, или иное явление.

Необходимо предоставить его прибывающей группе так, чтобы это выглядело как доклад, а не безумная ересь суеверного еретика. Конечно, за мои безумные мысли, которые я пока держал при себе, меня не сожгут. Но если инородность живых организмов с последующим отторжением не подтвердится научно, я могу попроситься со своей работой. Все, что я расскажу, примут за галлюцинации и отправят на консультацию к психиатру. Тот, конечно назначит прием препаратов, натягивающих на лицо добрую, блаженную и беспричинную улыбку.

Анализируя сложившуюся ситуацию, я понимал, что, имея столь ограниченные возможности в технике, приборах и времени, не смогу научно обосновать теорию отторжения. Тем более, я не был ученым, а всего лишь инженер-технологом по размещению и установке радиолокационных приборов.

В очередной раз я закрыл за собой толстые створки внешней обшивки и поспешил в отсек управления. Но быстро покинуть шлюзовой отсек мне не удалось. До меня донесся быстро нарастающий гул. Я не мог понять откуда он исходит и что вообще это может быть. Сама природа этого звука была мне чужда, напоминая гул дрожащей земли на поверхности, который мне не посчастливилось услышать и запомнить на всю оставшуюся жизнь, какой короткой бы она не оказалась. Я стоял, как под гипнозом, чувствуя опасность, но неспособный что-либо предпринять против невидимого врага. Мой корабль погружался в песок, а я продолжал бездействовать. Голова была как в тумане и из нее, вместе с моими страхами, выплывали безумные мысли, над которыми я почему-то стал задумываться.

Невидимый враг? Нет, он очень даже видимый. Целая планета! А почему враг? Это я пришел сюда незваным гостем, чтобы торчать здесь как заноза и привести за собой целый отряд себе подобных. Они сразу начнут ползать по могучему телу планеты, как черви, вгрызаясь в плоть своими машинами, доставляя ей боль. Но мы столкнулись с планетой с очень сильным иммунитетом! Она не позволит нам размножаться на ней, как насекомым, сосущим из ее недр кровь.

В глазах стоял красноватый туман, подтверждавший мои мысли. Только сейчас я заметил, что это была густо клубившаяся пыль, просачивавшаяся обратно через вакуумную вентиляционную систему, наполняя собой весь шлюзовой отсек, что было просто невозможно! Но только не здесь. Густая, красноватая пыль незаметно и плавно проникала с каждым вдохом в мои легкие. Дальше, просачиваясь в кровь, попадала вместе с ней в мозг. Планета нашла как до меня достучаться и сообщить о моей роковой ошибке. Узнав из моих мыслей, что следом за мной летит целая группа с научной лабораторией, она оставила меня в живых, давая возможность предупредить остальных. Пыль стала резать глаза, вызывая слезы, словно я плакал, раскаиваясь в содеянном поступке. Но планета была неумолима. Проникнув таким оригиналь-

ным образом в мой мозг, она продолжала вызывать различные видения, используя мою память, чтобы быть убедительней, подбирала наиболее близкие и доступные мне образы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.